

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

Михаил Булгаков

Drafts of the novel. Two tiny notebooks containing the preliminary notes for the third version of *The Master and Margarita* written in 1929-1931, with the chapters *Griboedov*, *Woland's Flight* and *The Advisor with the hoof* comments written by Victor Losev

From the archive section of
The Master and Margarita

<http://www.masterandmargarita.eu>

Webmaster

Jan Vanhellemont
Klein Begijnhof 6
B-3000 Leuven

+3216583866
+32475260793

Михаил Булгаков ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

Черновые наброски к главам романа,
написанные в 1929 - 1931 гг.
Булгаков М.А. Великий канцлер. Князь тьмы.
М.: Гудьял-Пресс, 2000, сс.65-79

ДЕЛО БЫЛО В ГРИБОЕДОВЕ

В вечер той страшной субботы, 14 июня 1943 года, когда потухшее солнце упало за Садовую, а на Патриарших Прудах кровь несчастного Антона Антоновича смешалась с постным маслом на камушке, писательский ресторан "Шалаш Грибоедова" был полным-полон.

Почему такое дикое название? Дело вот какого рода: когда количество писателей в Союзе, неуклонно возрастая из года в год, наконец выразилось в угрожающей цифре 5011 человек, из коих 5004 проживало в Москве, а 7 человек в Ленинграде, соответствующее ведомство, озабоченное судьбой служителей муз, отвело им дом.

Дом сей помещался в глубине двора, за садом, и, по словам беллетриста Поплавкова, принадлежал некогда не то тетке Грибоедова, не то в доме проживала племянница автора знаменитой комедии.

Заранее предупреждаю, что ни здесь, ни впредь ни малейшей ответственности за слова Поплавкова я на себя не беру. Жуткий лгун, но талантливейший парнище. Кажется, ни малейшей тетки у Грибоедова не было, равно как и племянницы. Впрочем, желающие могут справиться. Во всяком случае, дом назывался грибоедовским.

Заимев славный двухэтажный дом с колоннами, писательские организации разместились в нем как надо. Все комнаты верхнего этажа отошли под канцелярии и редакции журналов, зал, где тетка якобы слушала отрывки из "Горя от ума", пошел под публичные заседания, а в подвале открылся ресторан.

В день открытия его Поплавков глянул на расписанные сводчатые потолки и прозвал ресторан "Шалашом".

И с того момента и вплоть до сего дня, когда дом этот стал перед безумным воспаленным моим взором в виде обуглившихся развалин, название "Шалаш Грибоедова" прилипло к зданию и в историю перейдет.

Итак, упало 14 июня солнце за Садовую в Цыганские Грузины, и над истомленным и жутким городом возшла ночь со звездами. И никто, никто еще не подозревал тогда, что ждет каждого из нас.

Столики на веранде под тентом заполнились уже к восьми часам вечера. Город дышал тяжело, стены отдавали накопленный за день жар, визжали трамваи на бульваре, электричество горело плохо, почему-то казалось, что наступает сочельник тревожного праздника, всякому хотелось боржому. Но тек холодный боржом в раскаленную глотку и ничуть не освежал. От боржому хотелось шницеля, шницель

вызывал на водку, водка - жажда, в Крым, в сосновый лес!..

За столиками пошел говорок. Пыльная пудренная зелень сада молчала, и молчал гипсовый поэт Александр Иванович Житомирский, во весь рост стоящий под ветвями с книгой в одной руке и обломком меча в другой. За три года поэт покрылся зелеными пятнами и от меча осталась лишь рукоять.

Тем, кому не хватило места под тентом, приходилось спускаться вниз, располагаться под сводами за скатертями с желтыми пятнами у стен, отделанных под мрамор, похожий на зеленую чешую. Здесь был ад.

Представляется невероятным, но тем не менее это так, что в течение часа с того момента, как редактор Марк Антонович Берлиоз погиб на Патриарших, и вплоть до того момента, как столы оказались занятыми, ни один из пришедших в "Шалаш" не знал о гибели, несмотря на адскую работу Бержеракиной, Поплавкова и телефонный гром. Очевидно, все, кто заполнял ресторан, были в пути, шли и ехали в трамваях, задыхаясь, глотая пот, пыль и мучаясь жаждой.

В служебном кабинете самого Берлиоза звонок на настольном телефоне работал непрерывно. Рвались голоса, хотели что-то узнать, что-то сообщить, но кабинет был заперт на ключ, некому было ответить, сам Берлиоз был неизвестно где, но во всяком случае там, где не слышны телефонные звонки, и забытая лампа освещала исписанную номерами телефонов промокашку с крупной надписью "Софья дрянь". Молчал верхний теткин этаж.

В девять часов ударил странный птичий звук, побежал резаный петуший, превратясь в гром. Первым снялся из-за столика кто-то в коротких до колен штанах рижского материала, в очках колесами, с жирными волосами, в клетчатых чулках, обхватил крепко тонкую женщину с потертым лицом и пошел меж столов, виляя очень выкормленным задом. Потом пошел знаменитый беллетрист Копейко - рыжий, мясистый, затем женщина, затем лохматый беззубый с луком в бороде. В грое и звоне тарелок он крикнул тоскливо: "Не умею я!"

Но снялся и перехватил девочку лет 17-ти и стал топтать ее ножки в лакированных туфлях без каблучков. Девочка страдала от запаха водки и луку изо рта, отворачивала голову, скалила зубы, шла задом... Лакеи несли севрюгу в блестящих блюдах с крышками, с искаженными от злобы лицами ворчали ненавистно: "Виноват"... В трубу гулко кричал кто-то: "Пожарские р-раз!" Бледный, истощенный и порочный пианист маленькими ручками бил по клавишам громадного рояля, играл виртуозно. Кто-то подпел по-английски, кто-то рассмеялся, кто-то кому-то пообещал дать в рожу, но не дал... И давно, давно я понял, что в дымном подвале, в первую из цепи страшных московских ночей, я видел ад.

И родилось видение. В дни, когда никто, ни один человек не носил фрака в мировой столице, прошел человек во фраке ловко и бесшумно через ад, сквозь расступившихся лакеев и вышел под тент. Был час десятый, когда он сделал это, и стал, глядя гордо на гудевшую веранду, где не танцевали. Синева ложилась под глаза его, сверкал бриллиант на белой руке, гордая мудрая голова...

Мне говорил Поплавков, что он явился под тент прямо из океана, где был командиром пиратского брига, плававшего у Антильских и Багамских островов. Вероятно, лжет Поплавков. Давно не ходят в Караибском море разбойничьи бриги и не гонятся за ними с пушечным громом быстроходные английские корветы. Лжет Поплавков...

Когда плясали все в дыму и испарениях, над бледным пианистом склонилась голова пирата и сказала тихим красивым шепотом:

- Попрошу прекратить фокстрот.

Пианист вздрогнул, спросил изумленно:

- На каком основании, Арчибальд Арчибальдович?

Пират склонился пониже, шепнул:

- Председатель Всеобписа Марк Антонович Берлиоз убит трамваем на Патриарших Прудах.

И мгновенно музыка прекратилась. И тут застыл весь "Шалаш".

Не обошлось, конечно, и без чепухи, без которой, как известно, ничего не обходится. Кто-то предложил сгоряча почтить память вставанием. И ничего не

вышло. Кой-кто встал, кой-кто не расслышал. Словом - нехорошо. Трудно почтить, хмуро глядя на свиную отбивную. Поэт же Рюхин и вовсе нагробил. Воспаленно глядя, он предложил спеть "Вечную память". Уняли, и справедливо. Вечная память дело благое, но не в "Шалаше" ее петь, согласитесь сами!

Затем кто-то предлагал послать какую-то телеграмму, кто-то в морг захотел ехать, кто-то зачем-то отправился в кабинет Берлиоза, кто-то куда-то покатил на извозчике. Все это, по сути дела, ни к чему. Ну какие уж тут телеграммы, кому и зачем, когда человек лежит в морге на цинковом столе, а голова его лежит отдельно.

В бурном хаосе и возбуждении тут же стали рождаться слухи: несчастная любовь к акушерке Кандалаки, второе - впал в правый уклон. Прямо и точно сообщая, что все это вранье. Не только никакой акушерки Кандалаки Берлиоз не любил, но и вообще никакой акушерки Кандалаки в Москве нет, есть Кондалини, но она не акушерка, а статистик на кинофабрике. Насчет правого уклона категорически заявляю - неправда. Поплавковское вранье. Если уж и впал бы Антон Антонович, то ни в коем случае не в правый уклон, а, скорее, в левый загиб. Но он никуда не впал.

Пока веранда и внутренность гудела говором, произошло то, чего еще никогда не происходило. Именно: извозчики в синих кафтанах, караулившие у ворот "Шалаша", вдруг полезли на резные чугунные решетки. Кто-то крикнул:

- Тю!.. Кто-то свистнул...

Затем показался маленький тепленький огонечек, а затем от решетки отделилось белое привидение. Оно проследовало быстро и деловито по асфальтовой дорожке, мимо веранды, прямо к зимнему входу в ресторан и за углом скрылось, не вызвав даже особенного изумления на веранде. Ну, прошел человек в белом, а в руках мотнулся огонечек. Однако через минуту-две в аду наступило молчание, затем это молчание перешло в возбужденный говор, а затем привидение вышло из ада на веранду. И тут все ахнули и застыли, ахнув. "Шалаш" многое видел на своем веку, но такого еще не происходило ни разу.

Привидение оказалось не привидением, а известным всей Москве поэтом Иванушкой Безродным, и Иванушка имел в руке зажженную церковную свечу зеленого воску. Огонечек метался на нем, и она оплывала. Буйные волосы Иванушки не были прикрыты никаким убором, под левым глазом был большой синяк, а щека расцарапана. На Иванушке надета была рубашка белая и белые же кальсоны с тесемками, ноги босые, а на груди, покрытой запекшейся кровью, непосредственно к коже была приколоты бумажная иконка, изображающая Иисуса.

Молчание на веранде продолжалось долго, и во время его изнутри "Шалаша" на веранду валил народ с искаженными лицами.

Иванушка оглянулся тоскливо, поклонился низко и хрипло сказал:

- Здорово, православные.

От такого приветствия молчание усилилось.

Затем Иванушка наклонился под столик, на котором стояла вазочка с зернистой икрой и торчащими из нее зелеными листьями, осветил, вздохнул и сказал:

- Нету и здесь!

Тут послышались два голоса.

Бас паскудный и бесчеловечный сказал:

- Готово дело. Делириум тременс {Белая горячка (лат.)}.

А добрый тенор сказал:

- Не понимаю, как милиция его пропустила по улицам?

Иванушка услышал последнее и отозвался, глядя поверх толпы:

- На Бронной мильтон вздумал ловить, но я скрылся через забор. И тут все увидели, что у Иванушки были когда-то коричневые глаза, а стали перламутровые, и все забыли Берлиоза, и страх и удивление вселились в сердца.

- Друзья, - вдруг вскричал Иванушка, и голос его стал и тепел и горяч, - друзья, слушайте! Он появился!

Иванушка значительно и страшно поднял свечу над головой.

- Он появился! Православные! Ловите его немедленно, иначе погибнет Москва!

- Кто появился? - выкрикнул страдальческий женский голос.

- Инженер! - хрипло крикнул Иванушка, - и этот инженер убил сегодня Антошу

Берлиоза на Патриарших Прудах!

- Что? Что? Что он сказал?

- Убил! Кто? Белая горячка. Они были друзья. Помешался.

- Слушайте, кретины! - завопил Иванушка. - Говорю вам, что появился он!

- Виноват. Скажите точнее, - послышался тихий и вежливый голос над ухом

Иванушки, и над этим же ухом появилось бритое внимательное лицо.

- Неизвестный консультант, - заговорил Иванушка, озираясь, и толпа сдвинулась плотнее, - погубитель появился в Москве и сегодня убил Антошу!

- Как его фамилия? - спросил вежливо на ухо.

- То-то фамилия! - тоскливо крикнул Иван, - ах, я! Черт возьми! Не разглядел я на визитной карточке фамилию! На букву Ве! На букву Ве! Граждане! Вспоминайте сейчас же, иначе будет беда Красной столице и горе ей! Во... Ву... Влу... - забормотал Иванушка, и волосы от напряжения стали ездить у него на голове.

- Вульф! - крикнул женский голос.

- Да не Вульф... - ответил Иванушка, - сама ты Вульф! Граждане, вот чего, я сейчас кинусь дальше ловить, а вы спосылайте кого-нибудь в Кремль, в верхний коммутатор, скажите, чтобы тотчас сажали бы стрелцов на мотоциклетки с секирами, с пулеметами в разных направлениях инженера ловить! Приметы: зубы платиновые, воротнички крахмальные, ужасного роста!

Тут Иванушка проявил беспокойство, стал заглядывать под столы, размахивать свечой.

Народ загудел... Послышалось слово - "доктор"... И лицо приятное, мясистое, лицо в огромных очках, в черной фальшивой оправе, бритое и сытое, участливо появилось у Иванушкина лица.

- Товарищ Безродный, - заговорило лицо юбилейным голосом, - вы расстроены смертью всеми нами любимого и уважаемого Антона... нет Антоши Берлиоза. Мы это отлично понимаем. Возьмите покой. Сейчас кто-нибудь из товарищей проводит вас домой, в постельку...

- Ты, - заговорил Иван и стукнул зубами, - понимаешь, что Берлиоза убил инженер! Или нет? Понимаешь, арамей?

- Товарищ Безродный! Помилуйте, - ответило лицо.

- Нет, не помилую, - тихо ответил Иван и, размахнувшись широко, ударил лицо по морде.

Тут догадались броситься на Ивана. Он издал визг, отозвавшийся даже на бульваре. Окна в домиках, окаймляющих сад с поэтом, стали открываться. Столик с икрой, с листьями и с бутылкой Абрау рухнул, взлетели босые ноги, кто-то упал в обморок.

В окошке возникла голова фурии, закричала:

- Царица небесная! Когда же будет этому конец? Когда, когда, наконец, власть закроет проклятый "Шалаш"! Дети оборались, не спят - каждый вечер в "Шалаше" скандал...

Мощная и волосатая рука сгребла фурию, и голова ее провалилась в окне.

В то время, когда на веранде бушевал неслыханный еще скандал, в раздевалке командир брига стоял перед швейцаром.

- Ты видел, что он в подштанниках? - спросил холодно пират.

- Да ведь, Арчибальд Арчибальдович, - отвечал швейцар трусливо, но и нагло вато бегая глазами. Они ведь члены Описа...

- Ты видел, что он в подштанниках? - хладнокровно спросил пират. Швейцар замолк, и лицо его приняло тифозный цвет. Наглость в глазках потухла. Ужас сменил ее. Он снизу вверх стал смотреть на командира. Он видел ясно, как черные волосы покрылись шелковой косынкой. Исчез фрак, за ременным поясом возникли пистолеты. Он видел безжалостные глаза, черную бороду, слышал предсмертный плеск волны у борта брига и наконец увидел себя висящим с головой набок и высунутым до плеча языком на фок-марс-рее, черный флаг с мертвой головой. Океан покачивался и сверкал. Колени швейцара подогнулись, но флибустьер прекратил пытку взглядом.

- Ох, Иван, плачет по тебе биржа труда, Рахмановский милый переулок, - сквозь

зубы сказал капитан.

- Арчибальд...

- Пантелея. Протокол. Милиционера, - ясно и точно распорядился авралом пират, - таксомотор. В психиатрическую.

- Пантелей, выходит... - начал было швейцар, но пират не заинтересовался этим.

- Пантелея, - повторил он и размеренно пошел внутрь.

Минут через десять весь "Шалаш" был свидетелем, как окровавленного человека, босого, в белье, поверх которого было накинуто пальто Пантелея, под руки вели к воротам. Страшные извозчики у решетки дрались кнутами за обладание Иванушкой, кричали:

- На резвой! Я возил в психическую! Иванушка шел плача и пытался укунить за руку то правого Пантелея, то левого поэта Рюхина, и Рюхин скорбно шептал:

- Иван, Иван...

В тылу на веранде гудел народ, лакеи выметали и уносили осколки, повторялось слово "Берлиоз". В драную пролетку у ворот мостилось бледное лицо без очков, совершенно убитое незаслуженной плюхой, и дама убитая мостилась с ним рядом.

В глазах у Рюхина затем замелькали, как во сне, огни на Страстной площади, потом бесконечные круглые огненные часы, затем толпы народа, затем каша из автомобильных фонарей, шляп...

Затем, светя и рыча и кашляя, таксомотор вкатил в какой-то волшебный сад, затем Рюхин, милиционер и Пантелей ввели Иванушку в роскошный подъезд, причем Рюхин, ослепленный техникой, все более трезвел и жадно хотел пить. Затем все оказались в большой комнате, в которой стоял столик, клеенчатая новенькая кушетка, два кресла. Круглые часы подвешены были высоко и показывали 11 с четвертью.

Милиционер, Пантелей удалились. Рюхин огляделся и увидел себя в компании двух мужчин и женщины. Все трое были в белых балахонах, очень чистых, и женщина сидела за столиком.

Иванушка, очень тихий, странно широкоплечий в пантелеевском пальто, не плачущий, поместился под стеной и руки сложил на груди. Рюхин напился из графина с такой жадностью, что руки у него задрожали.

Тут же дверь бесшумно открылась и в комнату вошел еще один человек, тоже в балахоне, из кармашка коего торчал черный конец трубочки. Человек этот был очень серьезен. Необыкновенно весь спокоен, но при крайне беспокойных глазах. И даже по бородке его было видно, что он величайший скептик. Пессимист.

Все подтянулись.

Рюхин сконфузился, поправил поясок на толстовке и произнес:

- Здравствуйте, доктор. Позвольте познакомиться. Поэт Рюхин. Доктор вежливо поклонился Рюхину, но, кланяясь, смотрел не на Рюхина, а на Иванушку.

- А это... - почему-то понизив голос, представил Рюхин, - знаменитый поэт Иван Бездомный.

По доктору видно было, что имя это он слышит впервые в жизни, он вопросительно посмотрел на Рюхина. И тот, повернувшись к Иванушке спиной, зашептал:

- Мы опасаемся, не белая ли горячка...

- Пил очень сильно? - сквозь зубы спросил доктор.

- Нет, доктор...

- Тараканов, крыс, чертиков или шмыгающих собак не ловил?

- Нет, - ответил Рюхин, - я его вчера видел. Он речь говорил!

- Почему в белье? С постели взяли?

- Нет, доктор, он в ресторан пришел в таком виде.

- Ага, - сказал доктор так, как будто ему очень понравилось, что Иванушка в белье пришел в ресторан, - а почему окровавлен? Дрался? Рюхин замялся.

- Так. Тут совещание шепотом кончилось и все обратились к Иванушке.

- Здравствуйте, - сказал доктор Иванушке.

- Здорово, вредитель! - ясным громким голосом ответил Иванушка, и Рюхин от сраму захотел провалиться сквозь землю. Ему было стыдно поднять глаза на

вежливого доктора, от бороды которого пахло явно одеколоном.

Тот, однако, не обиделся, а снял привычным ловким жестом пенсне с носа и спрятал его, подняв полу балахона, в задний карман брюк.

- Сколько вам лет? - спросил доктор.

- Поди ты от меня к чертям, в самом деле, хмуро ответил Иванушка.

- Иван, Иван... - робко воскликнул Рюхин. А доктор сказал вежливо и печально, щуря близорукие глаза:

- Зачем же вы сердитесь? Я решительно не понимаю...

- Двадцать пять лет мне, - сурово ответил Иванушка, - и я завтра на вас на всех пожалуюсь. И на тебя, гнида! - отнесся он уже персонально к Рюхину.

- За что же вы хотите пожаловаться?

- За то, что меня силой схватили и притащили куда-то.

Рюхин глянул тут на Иванушку и похолодел. Глаза у Иванушки из перламутровых превратились в зеленые, ясные. "Батюшки, да он вполне свеж и нормален, - подумал Рюхин. - Зачем же такая чепуха... зачем же мы малого в психическую поволокли. Нормален, только рожа расцарапана".

- Куда это меня приволокли? - надменно спросил Иван.

Рюхину захотелось конспирации, но врач сейчас же открыл тайну.

- Вы находитесь в психиатрической лечебнице, оборудованной по последнему слову техники. Кстати добавлю: где вам не причинят ни малейшего вреда и где вас никто не собирается задерживать силой.

Иванушка недоверчиво покосился, потом пробурчал:

- Хвала Аллаху, кажется, нашелся один нормальный среди идиотов, из которых первый - величайшая бездарность и балбес Пашка.

- Кто этот Пашка-бездарность? - спросил врач.

- Вот он - Рюхин, - ответил Иванушка и указал на Рюхина.

- Простите, - сказал доктор.

Рюхин был красен, и глаза его засверкали. "Вот так так, - думал он, - и сколько раз я давал себе слово не ввязываться ни в какие истории. Вот и спасибо. Свинья какая-то, и притом нормален". И горькое чувство шевельнулось в душе Рюхина.

- Типичный кулачок-подголосок, тщательно маскируется под пролетария, - продолжал Иванушка сурово обличать Рюхина, - "и развейтесь красные знамена", а посмотрели бы вы, что он думает, хе... - и Иванушка рассмеялся зловеще.

Доктор повернулся спиной к Иванушке и шепнул: - У него нет белой горячки.

Затем повернулся к Ивану и заговорил:

- Почему, собственно, вас доставили к нам?

- Да черт их возьми, идиотов! Схватили, затолкали в такси и поволокли!

- Простите, вы пили сегодня, - осведомился доктор.

- Ничего я не пил, ни сегодня, ни вчера, - ответил Иван.

- Гм... - сказал врач, - но вы почему, собственно, в ресторан, вот как говорит гражданин Рюхин, пришли в одном белье?

Вы Москву знаете? - спросил Иван.

- Да, более или менее... - протянул доктор.

- Как вы полагаете, - страстно спросил Иван, - мыслимо ли думать, чтобы вы в Москве оставили на берегу реки что-нибудь и чтобы вещь не попятели? Купаться я стал, ну и украли, понятно, и штаны, и толстовку, и туфли. А я спешил в "Шалаш".

- Свидание? - спросил врач.

- Нет, брат, не свидание, а я ловлю инженера!

- Какого инженера?

- Который сегодня на Патриарших, - отдельно продолжал Иван, - убил Антона Берлиоза. А поймать его требуется срочно, потому что он натворит таких дел, что нам всем небо с овчинку покажется.

Тут врач вопросительно отнесся к Рюхину. Переживающий еще жгучую обиду, Рюхин ответил мрачно:

- Председатель Вседрупса Берлиоз сегодня под трамвай попал.

- Он под трамвай попал, говорят?

- Его убил инженер.

- Толкнул, что ли, под трамвай?
- Да не толкнул! - Иван раздражился, - почему такое детское понимание вещей.
Убил - значит, толкнул! Он пальцем не коснулся Антона. Такой вам толкнет!
- А кто-нибудь еще видел кроме вас этого инженера?
- Я один. То-то и беда.
- Фамилию его знаете?
- На "Ве" фамилия, - хмуро ответил Иван. И стал потирать лоб. - Инженер Наве?
- Да не Наве, а на букву "Ве" фамилия. Не прочитал я до конца на карточке фамилию. Да ну тебя тоже к черту. Что за допросчик такой нашелся! Убирайтесь вы от меня! Где выход?
- Помилуйте, - воскликнул доктор, - у меня и в мыслях не было допрашивать вас! Но ведь вы сообщаете такие важные вещи об убийстве, которого вы были свидетелем... Быть может, здесь можно чем-нибудь помочь...
- Ну, вот именно, а эти негодяи волокут куда-то! - вскричал Иван.
- Ну вот! - вскричал и доктор, - возможно здесь недоразумение!.. Скажите же, какие меры вы приняли, чтобы поймать этого инженера?
- Слава тебе Господи, ты не вредитель, а молодец! - и Иван потянулся поцеловать, - меры я принял такие: первым делом с Москвы-реки бросился в Кремль, но у Спасских ворот стремянные стрельцы не пустили! Иди, говорят, Божий человек, пропись.
- Скажите! - воскликнул врач и головой покачал, а Рюхин забыл про обиды и вытянул шею.
- Ну-те-с, ну-те-с, - говорил врач, крайне заинтересованный, и женщина за столом развернула лист и стала записывать. Санитары стояли тихо и руки держали по швам, не сводили с Ивана Безродного глаз. Часы стучали.
- Вооруженные были стрельцы?
- Пищали в руках, как полагается, - продолжал Иван, - тут я, понимаешь ли, вижу, ничего не поделаешь, и брызнул за ним на телеграф, а он проклятый вышел на Остоженку, я за ним в квартиру, а там голая гражданка в мыле и в ванне, я тут подобрал иконку и пришил ее к груди, потому что без иконки его не поймать... Ну... - тут Иван поднял голову, глянул на часы и ахнул.
- Батюшки, одиннадцать, - закричал он, - а я тут с вами время теряю. Будьте любезны, где у вас телефон?..
Один из санитаров тотчас загородил его спиной, но врач приказал:
- Пропустите к телефону.
И Иван уцепился за трубку и вытаращил глаза на блестящие чашки звонков. В это время женщина тихо спросила Рюхина:
- Женат он?
- Холост, - испуганно ответил Рюхин.
- Родные в Москве есть?
- Нету.
- Член профсоюза?
Рюхин кивнул. Женщина записала.
- Дайте Кремль, - сказал вдруг Иван в трубку, в комнате воцарилось молчание. - Кремль? Передайте в Совнарком, чтобы послали сейчас же отряд на мотоциклетах в психиатрическую лечебницу... Говорит Бездомный... Инженера ловить, который Москву погубит... Дура. Дура, - вскричал Иван и грохнул трубкой, - вредительница - и с трубки соскочил рупор.
Санитар тотчас повесил трубку на крюк и загородил телефон.
- Не надо браниться в телефон! - заметил врач.
- Ну-ка, пустите-ка меня, - попросил Иван и стал искать выхода, но выход как сквозь землю провалился.
- Ну, помилуйте, - заметил врач, - куда вам сейчас идти. Поздно, вы не одеты. Я настойчиво советую вам переночевать в лечебнице, а уж днем будет видно.
- Пропустите меня, - сказал Иван глухо и грозно.
- Один вопрос: как вы узнали, что инженер убил?
- Он про постное масло знал заранее, что Аннушка его разольет! - вскрикнул

Иван тоскливо, - он с Пилатом Понтийским лично разговаривал... Пустите...

- Помилуйте, куда вы пойдете!

- Мерзавцы, - вдруг взвыл Иван, и перед женщиной засверкала никелированная коробка и склянки, выскочившие из выдвижного ящика.

- Ах, так, ах, так... - забормотал Иван, - это, стало быть, нормального человека силой задерживать в сумасшедшем доме. Гоп! - И тут Иван, сбросив Пантелееву пальто, вдруг головой вперед бросился в окно, прикрытое наглухо белой шторой. Коварная сеть за шторой без всякого вреда для Ивана спружинила и мягко бросила поэта назад и прямо в руки санитаров. И в эту минуту в руках у доктора оказался шприц. Рюхин застыл на месте.

- Ага, - прохрипел Иван, - вот какие шторочки завели в домиках, ага... - Рюхин глянул в лицо Ивану и увидел, что оно покрылось потом, а глаза помутнели, - понимаем! Помогите! Помогите!

Но крик Ивана не разнесся по зданию. Обитые мягким, стеганные стены не пустили воплей несчастного никуда. Лица санитаров исказились и побагровели.

- Ад-ну... адну минуту, голову, голову... - забормотал врач, и тоненькая иголочка впилась в кожу поэта, - вот и все, вот и все... - и он выхватил иглу, - можно отпустить.

Санитары тотчас разжали руки, а женщина выпустила голову Ивана.

- Разбойники! - прокричал тот слабо, как бы томно, метнулся куда-то в сторону, - еще прокричал: - И был час девятый!.. - но вдруг сел на кушетку... - Какая же ты сволочь, - обратился он к Рюхину, но уже не криком, а печальным голосом. Затем повернулся к доктору и пророчески грозно сказал: - Ну, пусть погибает Красная столица, я в лето от Рождества Христова 1943-е все сделал, чтобы спасти ее! Но... но победил ты меня, сын погибели, и заточили меня, спасителя.

Он поднялся и вытянул руки, и глаза его стали мутны, но неземной красоты.

- И увижу се в огне пожаров, в дыму увижу безумных бегущих по Бульварному Кольцу... - тут он сладко и зябко передернул плечами, зевнул... и заговорил мягко и нежно:

- Березки, талый снег, мостки, а под мостки с гор потоки. Колокола звонят, хорошо, тихо...

Где-то за стеной протрещал звоночек, и Рюхин раскрыл рот: стеганая стена ушла вверх, открыв лакированную красную стену, а затем та распалась и беззвучно на резиновых шинах въехала кровать. Ивана она не заинтересовала. Он глядел вдаль восторженно, слушал весенние громовые потоки и колокола, слышал пение, стихи...

- Ложитесь, ложитесь, - услышал Иван голос приятный и негрозный. Правда, на мгновение его перебил густой и тяжелый бас инженера и тоже сказал "ложитесь", но тотчас же потух.

Когда кровать с лежащим Иваном уходила в стену, Иван уже спал, подложив ладонь под изуродованную щеку. Стена сомкнулась. Стало тихо и мирно, и вверху на стене приятно стучали часы.

- Доктор... это что же, он, стало быть, болен? - спросил Рюхин тихо, смятенно.

- И очень серьезно, - ответил доктор, сквозь пенсне проверяя то, что написала женщина. Он устало зевнул, и Рюхин увидел, что он очень нервный, вероятно, добрый и, кажется, нуждающийся человек...

- Какая же это болезнь у него?

- Мания фурибунда, - ответил доктор и добавил, - по-видимому.

- Это что такое? - спросил Рюхин и побледнел.

- Яростная мания, - пояснил доктор и закурил дрянную смятую папироску.

- Это, что ж, неизлечимо?

- Нет, думаю, излечимо.

- И он останется здесь?

- Конечно.

Тут доктор изъявил желание попрощаться и слегка поклонился Рюхину. Но Рюхин спросил заискивающе:

- Скажите, доктор, что это он все инженера ловит и поминает! Видел он какого-

нибудь инженера?

Доктор вскинул на Рюхина глаза и ответил:

- Не знаю.

Потом подумал, зевнул, страдальчески сморщился, поежился и добавил:

- Кто его знает, может быть, и видел какого-нибудь инженера, который поразил его воображение...

И тут поэт и врач расстались.

Рюхин вышел в волшебный сад с каменного крыльца дома скорби и ужаса. Потом долго мучился. Все никак не мог попасть в трамвай. Нервы у него заиграли. Он злился, чувствовал себя несчастным, хотел выпить. Трамваи пролетали переполненные. Задышающиеся люди висели, уцепившись за поручни. И лишь в начале второго Рюхин совсем больным неврастеником приехал в "Шалаш". И тот был пуст. На веранде сидели только двое. Толстый и нехороший, в белых брюках и желтом поясе, по которому висела золотая цепочка от часов, и женщина.

Толстый пил рюмочкой водку, а женщина ела шницель. Сад молчал, и ад молчал.

Рюхин сел и больным голосом спросил малый графинчик... Он пил водку и чем больше пил, тем становился трезвей и тем больше темной злобы на Пушкина и на судьбу рождалось в душе...

Помоги, Господи, кончить роман.

1931 г.

ПОЛЕТ ВОЛАНДА

- Об чем волынка, граждане? - спросил Бегемот и для официальности в слове "граждане" сделал ударение на "да". - Куда это вы скакаете?

.....

Кота в Бутырки? Прокурор накрутит вам хвосты.

.....

Свист.

...и стая галок поднялась и улетела.

- Это свистнуто, - снисходительно заметил Фагот, - не спорю, свистнуто! Но, откровенно говоря, свистнуто неважно.

- Я не музыкант, - отозвался Бегемот и сделал вид, что обиделся.

- Эх, ваше здоровье! - пронзительным тенором обратился Фагот к Воланду, - дозвольте уж мне, старому регенту, свистнуть.

- Вы не возражаете? - вежливо обратился Воланд к Маргарите и ко мне.

- Нет, нет, - счастливо вскричала Маргарита, - пусть свистнет! Прошу вас! Я так давно не веселилась!

- Вам посвящается, - сказал галантный Фагот и предпринял некоторые приготовления. Вытянулся, как резинка, и устроил из пальцев замысловатую фигуру.

Я глянул на лица милиционеров, и мне показалось, что им хочется прекратить это дело и уехать.

Затем Фагот вложил фигуру в рот. Должен заметить, что свиста я не услышал, но я его увидал. Весь кустарник вывернуло с корнем и унесло. В роще не осталось ни одного листика. Лопнули обе шины в мотоциклете, и треснул бак. Когда я очнулся, я видел, как сползает берег в реку, а в мутной пене плывут эскадронные лошади. Всадники же сидят на растрескавшейся земле группами.

- Нет, не то, - со вздохом сказал Фагот, осматривая пальцы, - не в голосе я сегодня.

- А вот это уже и лишнее, - сказал Воланд, указывая на землю, и тут я

разглядел, что человек с портфелем лежит раскинувшись и из головы течет кровь.

- Виноват, мастер, я здесь ни при чем. Это он головой стукнулся об мотоциклетку.

- Ах, ах, бедняжка, ах, - явно лицемерно заговорил весельчак Бегемот, наклоняясь к павшему, - уж не осталась бы супруга вдовою из-за твоего свиста.

- Ну-с, едем!

.....

Нежным голосом завел Фагот... "черные скалы мой покой...".

.....

- Ты встретишь там Шуберта и светлые утра.

КОНСУЛЬТАНТ С КОПЫТОМ

На закате двое вышли на Патриаршие Пруды. Первый был лет тридцати, второй - двадцати четырех. Первый был в пенсне, лысоватый, гладко выбритый, глаза живые, одет в гимнастерку, защитные штаны и сапоги. Ножки тоненькие, но с брюшком.

Второй в кепке, блузе, носящей идиотское название "толстовка", в зеленой гаврилке и дешевеньком сером костюме. Парусиновые туфли. Особая примета: над правой бровью грандиозный прыщ.

Свидетели? То-то, что свидетелей не было, за исключением одного: домработницы Анны Семеновой, служащей у гражданки Ключ-Пелиенко. Впоследствии на допросе означенная Семенова Анна показала, что: а) у КлючПелиенко она служит третий год, б) Ключ - ведьма... Семенова собиралась подавать в народный суд за то, что та (Ключ) ее (Семенову) обозвала "экспортной душой", желая этим сказать, что она (Семенова) не простая дура, а исключительная. Что в профсоюз она платит аккуратно, что на Патриарших Прудах она оказалась по приказанию Ключ, чтобы прогулять сына Ключ Вову. Что Вова золотушен, что Вова идиот (экспортный). Ведено водить Вову на Патриаршие Пруды.

Товарищ Курочкин, на что был опытный человек, но еле избавился от всего этого потока чепухи и поставил вопрос в упор: о чем они говорили и откуда вышел профессор на Патриаршие? По первому вопросу отвечено было товарищем Семеновой, что лысенький в пенсне ругал господ бога, а молодой слушал, а к тому времени, как человека зарезало, они с Вовой уже были дома. По второму - ничего не знает. И ведать не ведает. И если бы она знала такое дело, то она бы и не пошла на Патриаршие. Словом, товарищ Курочкин добился только того, что товарищ Семенова действительно дура, так что и в суд, собственно, у нее никаких оснований подавать на гражданку Ключ нету. Поэтому отпустил ее с миром. А более действительно в аллее у Пруда, как на грех, никого не было.

Так что уж позвольте мне рассказывать, не беспокоя домработницу.

Что ругал он господ бога - это, само собой, глупости. Антон Миронович Берлиоз (потому что это именно был он) вел серьезнейшую беседу с Иваном Петровичем Тешкиным, заслужившим громадную славу под псевдонимом Беспризорный. Антону Миронычу нужно было большое антирелигиозное стихотворение в очередную книжку журнала. Вот он и предлагал кой-какие установки Ване Беспризорному.

Солнце в громе, удушье, в пыли падало за Садовое Кольцо, Антон Миронович, сняв кепочку и вытирая платком лысину, говорил, и в речи его слышались имена

.....
:...

Иванушка рассмеялся и сказал:

- В самом деле, если бог вездесущ, то, спрашивается, зачем Моисею понадобилось на гору лезть, чтобы с ним беседовать? Превосходнейшим образом он

мог с ним и внизу поговорить.

В это время и показался в аллее гражданин. Откуда он вышел? В этом-то весь и вопрос. Но и я на него ответить не могу. Товарищу Курочкину удалось установить

.....

СЕАНС ОКОНЧЕН

Заведующий акустикой московских государственных театров Пафнутий Аркадьевич Семплеяров.

Водолазов. Актриса Варя Чембунчи.

Маргарита заговорила страстно: -

.....

.....

.....

Комментарии

...гипсовый поэт Александр Иванович Житомирский... - В одном из черновиков читаем: "Сад молчал, и молчал гипсовый поэт Александр Иванович Житомирский - в позапрошлом году полетевший в Кисловодск на аэроплане и разбившийся над Ростовым".

Исследователи справедливо указали на поэта Александра Ильича Безыменского (1898 - 1973) как на "прототипа" Александра Ивановича Житомирского (Безыменский родился в Житомире). Напомним, что Безыменский был одним из злейших травителей Булгакова.

И родилось видение, ...прошел человек во фраке.. - По мнению некоторых исследователей-булгаковедов (Б. С. Мягкова и других), прототипом Арчибальда Арчибальдовича послужил директор писательского ресторана в "Доме Герцена" Яков Данилович Розенталь - фигура колоритная, привлекавшая внимание посетителей этого заведения.

Поэт же Рюхин.. - Персонаж, вобравший в себя черты многих писателей и поэтов того времени.

...впал в правый уклон. - В конце двадцатых годов Булгаков оказался одной из жертв кампании против правого уклона в искусстве и литературе. "В области театра у нас налицо правая опасность, - отмечалось в редакционной статье журнала "Новый зритель" 25 ноября 1928 года. - Под этим знаком мы боролись... против чеховского большинства в МХТ-II, против "Дней Турбиных"... Ближайшие месяцы несомненно пройдут под знаком контрнаступления левого сектора в театре". В феврале 1929 года один из руководителей Главреперткома В. И. Блюм выступил со статьей "Правая опасность и театр", которая почти полностью была посвящена разбору пьесы "Дни Турбиных" как наиболее яркому и "опасному" произведению, проповедующему идеи побежденного класса, то есть буржуазии ("Экран", 17 февраля 1929 г.). В первом номере журнала "Советский театр" за 1930 год имя Булгакова вновь склоняется в связи с борьбой против правого уклона. "Именно театр, - подчеркивалось в передовой статье, - оказался наиболее удобной позицией для обстрела политических и культурных завоеваний рабочего класса. Злобные политические памфлеты и пародии на пролетарскую революцию прежде всего нашли свое место на

театральных подмостках ("Зойкина квартира", "Багровый остров"). Именно на театр направлено главное внимание врагов". А в статье "Начало итогов" (автор - Р. Пикель) прямо отмечалось, что важнейшим фактором, "подтверждающим укрепление классовых позиций на театре, является очищение репертуара от булгаковских пьес".

...не в правый уклон, а, скорее, в левый загиб. - Писатель в данном случае обыгрывает текст статьи "Искусство и правый уклон", помещенной в газете "Вечерняя Москва" от 2 марта 1929 года. В ней говорилось:

"Никто /из комсомольцев/ не спорил по существу - о правом уклоне в художественной литературе... Следовало бы, пожалуй, говорить не только о правом, но и о левом уклоне в области художественной политики... О "левом" вывихе докладчик почему-то умолчал".

- Нет, не помилую... - В первой редакции:

" - Бейте, граждане, арамея! - вдруг взвыл Иванушка и высоко поднял левой рукой четверговую свечечку, правой засветил неповинному... чудовищную плюху...

Вот тогда только на Иванушку догадались броситься... Воинственный Иванушка забился в руках.

- Антисемит! - истерически прокричал кто-то.

- Да что вы, - возразил другой, - разве не видите, в каком состоянии человек! Какой он антисемит! С ума сошел человек!

- В психиатрическую скорей звоните! - кричали всюду".

Мargarита заговорила страстно... - Эта черновая запись свидетельствует о многом. Прежде всего она ясно указывает на то, что имя главной героини романа было определено писателем на самой ранней стадии его написания. Косвенно эта запись подтверждает также высказывания Л. Е. Белозерской и С. А. Ермолинского о том, что Булгаков читал им в 1929 году законченный роман в машинописном виде. Наконец, весьма к месту будет сказано и о том, что основные идеи романа, отчетливо проявившиеся в последних его редакциях, вызрели у писателя также в двадцатые годы. В связи с именем героини и с некоторыми сюжетными линиями романа следует упомянуть одну любопытную переведенную книжонку, появившуюся в Москве в 1927 году: Пьер Мак Орлан. "Ночная Margarита". (Библиотека "Огонек", э 282). Главные ее герои - Георг Фауст, восьмидесятилетний профессор, продавший душу лукавому и вследствие этого превратившийся в обаятельного молодца, и рыжая красавица Margarита, ночная обитательница злых мест. Полюбив Фауста, Margarита решила освободить его от дьявольских пут, добровольно согласившись исполнять все условия договора, заключенного между Фаустом и лукавым. При этом она надеялась таким же образом переуступить свои обязанности по договору кому-то другому, отягощенному старостью. Но тщетно: продать свою душу за молодость (временную, конечно!) никто не желал. На глазах великолепного Фауста Margarита стала превращаться в ужасную старуху... Многие эпизоды этой повести вспоминаются при прочтении булгаковского романа. К сожалению, исследователи-булгаковеды прошли мимо этого важнейшего литературного источника, в значительной степени определившего структуру "закатного романа".